

A futuristic, dimly lit corridor with a repeating archway design, illuminated by blue lights. The perspective is from the end of the corridor looking down its length. The walls and ceiling are metallic and feature various panels and lights. The floor has a striped pattern.

Лидия Гортинская

**Дирижёр
роя**

Лидия Гортинская

Дирижёр роя

<https://litres.ru/73976733>

SelfPub; 2026

Аннотация

На далёком астероиде скрывается Макс Карасёв — редкий специалист, способный управлять роем дронов так, будто это продолжение его собственного тела. Но спокойная жизнь среди геологов рушится, когда пираты захватывают станцию и вынуждают Макса участвовать в дерзком нападении на пассажирский лайнер. Теперь ему предстоит выбрать между собственной свободой, жизнями заложников и тысячами людей на борту «Атласа».

«Дирижёр роя» — динамичная космическая история о долге, доверии и человеке, который умеет превращать машины в искусство, а в нужный момент — в последнюю надежду.

Лидия Гортинская

Дирижёр роя

Дирижёр роя

Я никогда не любил астероиды, при этом не потому, что в них было что-то особенно плохое. Плохого как раз хватало везде. Просто астероиды всегда казались мне временным недоразумением природы: камень, который случайно не стал планетой, но почему-то решил, что и так сойдет.

Астероид Гамма-Нева-7 был именно таким.

Снаружи он был серый, рваный, весь в трещинах и старых ударах от метеоритов, будто космос много лет пытался его добить. Внутри, зато, прятались жилы палладия, редких силикатов и «тяжелого льда» из трития, за который в нынешние времена платили очень много. На поверхности стояло несколько куполов геологической станции, антенное поле, склад, ремонтный бокс и посадочная площадка.

Я работал там третий месяц. Формально я был оператором автономных сервисных систем, а неформально – человеком, которого геологи согласились у себя прятать.

Они не задавали лишних вопросов. Я тоже, ведь это вообще лучшая основа для человеческих отношений в космосе.

Начальника станции звали Семён Алексеевич Гринько. Он был геологом старой школы, то есть из тех людей, кото-

рые смотрят на камни с большим уважением. Его дочь Лиза приехала на станцию на каникулы. Ей – двенадцать. Она была слишком наблюдательной для спокойной жизни и слишком честной для удобного общения. Волосы у неё всё время выбивались из любого хвоста, а глаза были очень серьезными. Она везде таскала бумажную книгу Булычева про Алису и зачитывала лучшие, по ее мнению, моменты из нее, вслух.

Именно она первой поняла, что я не просто техник. Это случилось на шестой день.

Снаружи бушевала пылевая взвесь – не буря, конечно, на астероиде для бури нет атмосферы, но вполне достаточная мерзость, чтобы не выпускать наружу людей без необходимости. Геологи сидели в центральном модуле, спорили о составе породы и пили такой крепкий чай, что им, кажется, можно было протирать контакты.

Я был в ангаре, передо мной на магнитной платформе лежали сорок два сервисных дрона. Обычный человек сказал бы: одинаковые. Любой инженер сказал бы: мелкие, восьми-лучевые, второй модификации, разведка и микромонтаж. А я видел другое – векторы, отклик, небольшие задержки в левом контуре у шестого, излишнюю самоуверенность тридцать первого, привычку семнадцатого чуть уходить вверх на повороте. Люди любят думать, что техника безлична. Это потому, что они не умеют слушать железо достаточно долго.

Я поднял ладонь, ничего эффектного со стороны не произошло. Я вообще не любил эффектов, от них всегда больше

разговоров, чем пользы.

Просто в голове раздался привычный тонкий шум – как будто где-то за костями черепа, заработал рой мелких электрических насекомых. Имплант в моторной коре подхватил сигнал, наручные нейроинтерфейсы откликнулись, и дроны начали подниматься.

По одному, потом по трое, потом сразу группами. Они собирались в воздухе быстро и легко. Сначала я вытянул из них рабочую решетку для переноса груза. Потом – спираль. Потом, сам не знаю зачем, дракона.

Дракон получился хороший. Не страшный, конечно. Сорок два ремонтных дрона вообще плохо подходят для страшного. Зато он был узнаваемый: длинная шея, ребристая спина, крылья из светящихся контуров, хвост, который двигался очень плавно.

– Ничего себе, – сказала у меня за спиной Лиза.

Я не вздрогнул. Дирижёр роя, который вздрагивает при ребенке, – зрелище не то, чтобы невозможное, но профессионально обидное.

– Подкрадываться нехорошо, – сказал я.

– А делать дракона из рабочих дронов хорошо?

– Зависит от обстоятельств.

Она подошла ближе. Дракон медленно повернул голову, потому что я машинально дал команду на реакцию.

Лиза замерла.

– Он как живой.

– Нет, – сказал я. – Он как очень дисциплинированная коллективная иллюзия.

Она задумалась.

– Это почти то же самое.

Я покосился на нее.

– Тебе сколько, двенадцать? Ты не должна так разговаривать.

– А вы не должны делать драконов, если вы просто техник.

Вот за это дети и опасны, взрослые еще умеют для приличия не замечать очевидного.

Я опустил руку. Дракон рассыпался. Дроны на секунду зависли, потом перестроились снова.

– Смотрите, – сказала Лиза, уже почти шепотом.

Я и так смотрел и улыбался, ведь из дракона получились цветы, при этом, не один букет – это было бы пошло, нет, сорок два дрона развернулись в воздухе тонкими металлическими лепестками, светодиоды пригасли, контуры стали мягче, и над платформой поплыл целый сад – серебристый, невозможный. Что-то среднее между лилиями и воспоминанием о них.

Лиза дышала так тихо, будто боялась, что от громкого вдоха всё распадётся.

– Как вы это делаете?

Я пожал плечами.

– Руками, головой.

– Это телепатия?

– Очень дорогая разновидность производственной дисциплины.

Она перевела взгляд на меня.

– Папа говорил, бывают такие специалисты. Дирижёры роя. Их готовят только в «Заслоне».

– Твой папа слишком много знает.

– Это потому, что он взрослый.

– Нет. Это потому, что он геолог и любит собирать редкости. Некоторые люди коллекционируют минералы. Некоторые – слухи. Некоторые умудряются совмещать.

Она улыбнулась. Потом снова посмотрела на рой.

– А сколько вы можете держать?

– В смысле?

– Сколько дронов сразу.

– Пятьдесят.

– Это много?

– Для человека – предел.

Она произнесла очень серьезно:

– А вы человек?

Я посмотрел на нее, потом осмотрел свои руки.

– Ну, сегодня, вроде, да.

Она кивнула, как будто это был приемлемый научный ответ. Потом открылась дверь ангара, и в проеме появился Гринько. Он оглядел меня, Лизу, цветы из дронов, снова меня и вздохнул с тем глубоким смирением, которое бывает только у отцов.

– Лиза!

– Я ничего не трогала.

– Это и пугает. Мешаешь работать.

Он вошел, сунул руки в карманы куртки и посмотрел на меня.

– Макс.

– Семён Алексеевич.

– Я, конечно, не специалист по красивым жестам, но, если ты так же ловко соберешь мне наружную геораму для сектора Б-12, я перестану делать вид, что не догадываюсь, кто ты такой.

– Я, между прочим, очень ценный вид.

– Да. Но ресурсоемкий.

Я кивнул.

– К утру будет готово.

Он посмотрел на цветы, потом на Лизу.

– Ну хоть кто-то на станции умеет производить впечатление.

– Папа.

– Что?

– Ты сейчас завидуешь!?

– Немного, – признался он.

Лиза ушла с ним, но уже в дверях обернулась:

– Макс?

– Что?

– А завтра можно еще?

– Что именно?

– Дракона.

Я подумал.

– Завтра – корабль.

– Настоящий?

– Нет. Настоящий мы не потянем.

Она засмеялась и убежала. Я остался в ангаре один, ну, почти один, если не считать сорока двух машин, импланта у меня в голове и той неприятной мысли, которая последнее время сидела у меня за как клин: люди слишком быстро ко мне привыкают, а это всегда плохо заканчивалось.

***

Про дирижёров роя в официальных брошюрах писали странно: слишком грамотно, с каким-то мертвым корпоративным уважением, которым большие структуры любят описывать вещи, стоящие очень дорого и ломающиеся не по гарантии: «Специалист по нейрокинетическому управлению многоагентными системами», «Оператор с расширенным симбиозом командного интерфейса», «Уникальная компетенция распределенного тактического контроля».

Всё это означало простую вещь: человеку вживляли в мозг и в руки такие наносхемы, после которой он мог чувствовать рой как продолжение собственной нервной системы.

Небольшие телепатические способности там тоже были. Не в том смысле, который любят дешёвые журналисты. Я не

читал мысли. Для этого, во-первых, надо любить людей сильнее, чем я. Во-вторых, мысли у большинства и без того угадывались слишком легко.

Но дирижёр чувствовал импульсы, намерение, эмоциональный сдвиг в группе, направление паники, то неуловимое человеческое электричество, которое обычные люди называют интуицией, а инженеры – помехой в сигнале.

Проблема была в том, что хороший дирижёр роя стоил дорого не только при обучении и создании. Его надо было содержать, лечить, иногда – чинить. И почти всегда – прятать! Потому что пятьдесят дронов в руках умного человека – это оружие.

***

Нападение началось через четыре дня. Как и всё действительно плохое, оно сначала выглядело почти прилично.

На радаре появилась легкая транспортная шхуна без опознавательных огней, на запрос ответила гражданским кодом, попросила аварийную дозаправку, сослалась на сбой траектории и повреждение контура охлаждения. Даже голос у капитана усталый, вежливый, чуть раздраженный.

Гринько связался со мной из рубки.

– Макс, посмотри.

Я посмотрел.

– Не нравится мне это.

– Почему?

– Потому что они слишком стараются.

– Это не преступление.

– В космосе – почти да.

Он молчал секунду.

– Откажем?

Я посмотрел на экран, на траекторию шхуны, на слишком плавное снижение, послушал паузу перед ответом, заметил, как аккуратно они держались в слепой зоне внешней камеры.

– Уже поздно, – сказал я.

И в этот момент у них отключился гражданский код: очень честный был поступок с их стороны, почти трогательный.

На экране вспыхнула красная отметка, потом вторая, потом третья – маленькие десантные капсулы, отделившиеся от брюха шхуны и пошедшие к станции. Тревога завывала сразу и как-то без вдохновения. У нашей станции вообще всё было немного уставшим, даже система безопасности.

– Все в укрытие, – рявкнул Гринько в общий канал.

– Поздно, – повторил я, уже вставая.

– Карасёв.

– Да.

– Только не геройствуй.

– Это очень расплывчатая инструкция.

– Тогда конкретнее. Не дай им забрать Лизу!

Я уже бежал по коридору.

– Принято.

– И еще, Макс.

– Что?

– Себя тоже по возможности не отдавай.

Я усмехнулся.

– Вот это уже совсем сложновыполнимый приказ.

Связь оборвалась. Я влетел в ангар на полном ходу. Рой уже ждал. Сорок восемь дронов стояли на зарядных направляющих, еще два были на внешнем контуре. У меня был собран полный рабочий комплект. Я поднял обе руки, и мир привычно сузился.

Это всегда странное чувство: как будто тебя вдруг становится больше, чем один. Пять дронов ушли в вентиляционные шахты. Восемь – на внутреннюю оборону. Шесть – к шлюзу номер два. Десять – наружу, на слепой перехват капсул. Остальные остались со мной.

В голове раскрылся многоголосый металлический хор. Каждый сигнал – как укус, как вспышка, как короткая мысль. Обычный оператор захлебнулся бы на двенадцати. Хороший – на двадцати пяти. Я держал сорок восемь и чувствовал, как имплант начинает теплеть где-то под затылком.

На внешней камере первая капсула уже резала плазмой поверхность шлюзового кольца.

– Нет, – сказал я вслух, хотя говорить было не обязательно.

Шесть дронов ударили сразу. У сервисных машин плохие отношения с оружием, потому что его нет, но зато прекрасные – с точностью. Два срезали плазменный резак, один во-

шел в стык крепления, еще три разом ударили в стабилизаторы капсулы. Та дернулась, провернулась и, медленно кувыркаясь, ушла вдоль поверхности астероида, как пустая банка.

Вторая капсула села у склада. Третья – прямо возле аварийного шлюза. Они знали план станции. Это было ожидаемо и неприятно. Как почти всё в жизни.

Дверь ангара распахнулась. На пороге стояла Лиза. Конечно! Потому что в критический момент дети всегда оказываются ровно там, где взрослые их особенно не хотят видеть.

– Назад! – рявкнул я.

Она не шелохнулась.

– Там папа! Они в командном модуле!

Вот за что я не люблю ясность, она мгновенно уничтожает иллюзии выбора.

Я переформировал рой. Девять дронов ушли в коридоры, еще четыре – к потолочным шинам, чтобы перерезать свет. Мне нужна была темнота. Мне почти всегда нужна была темнота. Умной машине зрение не обязательно. Умному нападающему – полезно. Значит, надо лишить его полезного.

– Лиза!

– Что?

– Сейчас ты очень тихо идешь в техотсек, закрываешься там и не выходишь, пока я сам не приду.

– Я не маленькая.

– Это самое детское, что можно сказать в двенадцать лет.

– А если папу убьют?

Я посмотрел на нее. Нехорошо так смотреть на ребенка. Очень по-взрослому, очень прямо. Но времени на мягкость уже не было.

– Тогда я разберусь с этим сразу после того, как вытащу его.

Она секунду молчала. Потом спросила:

– Обещаете?

Вот это самое тяжелое. Не спасать. Обещать.

– Да, – сказал я. – Иди.

Она кивнула и убежала.

Я дал дронам темноту. Станция провалилась в аварийное красное освещение. Пираты вошли через три точки сразу. Их было девять.

Я понял это почти мгновенно – по шагам, по сердцебиению, по тому, как рой отслеживал движение. В этом и была редкая часть профессии, о которой не любили говорить: дирижёр роя управляет не только машинами, он управляет пространством, в котором эти машины становятся важнее любого оружия.

Первого я даже не увидел. Он выскочил из бокового прохода, и два дрона уже были у его лица – не чтобы убить, нет. Просто один ударил в визор, второй в руку, в которой он сжимал бластер. Мужчина выругался, ослеп на секунду, а третья машина вошла ему под колено. Он рухнул.

Второй успел выстрелить. Заряд прожег стену там, где моя голова была бы полсекунды назад.

Вот за что я ценил хорошие импланты: они успевали реагировать раньше меня.

Я ушел в сторону, дал команде захват, и четыре дрона затянули ствол его карабина в полимерную сетку из ремонтной пены. Он дернул оружие, не понял, и в этот момент с потолка ему на шлем сели еще два.

Я не убивал, по возможности, это тоже один из тех компромиссов, за которые потом не хвалит вообще никто.

В командном модуле было хуже: там захватили Гринько и еще двоих геологов. Капитан пиратов стоял так спокойно, будто приехал на деловую встречу, а не на разбой. Высокий, сухой. У него были короткие седые волосы и очень чистый скаф-комбинезон. На связи он вышел сам.

– Макс Карасёв, – сказал он. – Наконец-то.

Я замер. Плохо, когда преступник знает твое имя раньше, чем ты увидел его лицо.

– У вас преимущество передо мной, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.